

В.Н. Прокопьев

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ТЕОРИИ АДАМА СМИТА

Адам Смит считается ученым, заложившим фундаментальные теоретические положения экономической доктрины либерализма, течения, играющего очень важную роль в общественном развитии на протяжении уже более чем двух столетий. В либерализме к числу краеугольных камней относится положение о частной собственности как важнейшей основе рыночной системы. Однако взгляды современных историков экономической мысли на вопрос о восприятии Смитом частной собственности неоднозначны. Так Т. Бетелл утверждает, что «в “Богатстве народов” Смит очень мало говорит о собственности. Несколько абзацев, посвященных этому предмету, никак не связаны с главным аргументом книги»¹. С другой стороны, Т. Эггертссон заявляет: «Адам Смит рекомендует такую схему правил, при которой индивиды обладают исключительными частными правами на экономические активы»².

Попытаемся исследовать вторую позицию и убедиться, действительно ли частной собственности в теории Смита отводится такая важная роль? Нетрудно заметить, что никакие иные формы собственности помимо частной в «Богатстве народов» почти не упоминаются. Кроме того, уже во «Введении» Смит заявляет, что обилие или скудость снабжения каждого народа «определяется двумя условиями: во-первых, искусством, умением и сообразительностью, с какими, в общем, применяется его труд, и, во-вторых, отношением между числом тех, кто занят полезным трудом, и числом тех, кто им не занят»³. На первый взгляд, среди важнейших факторов благосостояния народа собственность не упоминается. Однако если проследить логику Смита, то можно увидеть детали, свидетельствующие об ином восприятии автором данного вопроса.

Попытаемся сделать это. Во-первых, отметим, что из двух названных факторов благосостояния в качестве основного Смит рассматривает первый, т.е. «искусство, умение и сообразительность» в применении труда. Далее следует знаменитый пример с булавочной мануфактурой, с помощью которого Смит иллюстрирует экономическую значимость разделения труда, которое, безусловно, является одним из важнейших параметров «искусства и умения». Однако причиной, вызывающей разделение труда, автор видит не чью-либо мудрость, а определенную склонность человеческой природы, а именно склонность к обмену одного предмета на другой. Эту особенность Смит считает «необходимым следствием способности рассуждать», т.е. проявлением рационализма: «Никому никогда не приходилось видеть, чтобы какое-либо животное жестами или криком показывало другому: *это мое, то — твое*, я отдам тебе одно в обмен на другое»⁴ (курсив наш. — В. П.). Далее, Смит не ограничивается констатацией факта склонности к обмену, а рассматривает углубленно эту поведенческую особенность. В данной связи приведем следующее высказывание: «Человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них... Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе»⁵.

Это часто цитируемое высказывание представляет для нас интерес в двух отношениях. Во-первых, Смит, продолжая углубление в «физиологию» обмена, приходит к выводу, что главным мерилom меновой стоимости следует считать труд, затрачиваемый для получения того или иного блага: «Действительная цена всякого предмета, т.е. то, что каждый предмет действительно стоит тому, кто хочет приобрести его, есть труд и усилия, нужные для приобретения этого предмета. Действительная стоимость всякого предмета для человека, который приобрел его и который хочет продать его или обменять на какой-либо другой предмет, состоит в труде и усилиях, от которых он может избавить себя и которые он может возложить на дру-

гих людей... Труд был первоначальной ценой, первоначальной покупной суммой, которая была уплачена за все предметы»⁶. В этом высказывании зафиксирован основной тезис трудовой теории стоимости, признанной одним из главных элементов учения Смита. Однако автор рассматривает труд не только в качестве первоначального источника естественной стоимости товаров и богатства вообще, но и в качестве источника собственности: «Самое священное и неприкосновенное право собственности есть право на собственный труд, ибо труд есть первоначальный источник всякой собственности вообще»⁷. Явно выраженную смысловую связь категорий «эгоизм», «труд» и «собственность» мы можем увидеть и в другом высказывании: «Человек, не имеющий права приобрести решительно никакой собственности, может быть заинтересован только в том, чтобы есть возможно больше и работать возможно меньше. Только насильственными мерами, а не его собственной заинтересованностью, можно заставить его работать»⁸. В данной связи обратим внимание на еще одно обстоятельство, вытекающее из тезиса Смита об эгоизме как центральном элементе человеческого поведения.

Общепризнанно, что именно этот тезис лег в основу концепции «экономического человека», ставшей отправной точкой в современной экономической науке. Приведенные высказывания, конечно, следует считать подтверждением того, что эгоизм Смитом воспринимался в качестве главного элемента, позволяющего объяснить основные закономерности экономического бытия общества. Любопытно, что Смит при этом упор делал на выявление «естественных», т.е. объективных, законов экономики: «Одинаковое у всех людей, постоянное и неисчезающее стремление улучшить свое положение — это начало, откуда вытекает как общественное и национальное, так и частное богатство, часто оказывается достаточно могущественным для того, чтобы обеспечить *естественное* развитие в сторону улучшения общего положения... Как и неизвестная нам жизненная сила организма, она часто восстанавливает здоровье и силу вопреки не только болезни, но и нелепым предписаниям врача»⁹ (курсив наш. — В. П.).

Итак, эгоистический интерес к частному обогащению *естественен*, это обеспечивает *естественное* развитие общества даже вопреки нелепой воле недалководидных правительств. А наиболее адекватной формой для реализации индивидуальных интересов опять же *естественно* является священное и неприкосновенное право частной собственности. Этот тезис Смит просто упоминает и не заостряет на нем внимание в силу того, что многими мыслителями того времени он воспринимался как очевидный в виду распространения идеи естественного права. Однако давайте вернемся к вопросу о том, насколько приведенные положения Смита согласуются с современным методологическим индивидуализмом, поскольку этот вопрос требует, на наш взгляд, особого рассмотрения. Так, по выражению Амартии Сена, экономист теперь должен придерживаться «представлений о людях как прямолинейных, практичных и расчетливых существах и не примешивать сюда такие материи, как добрая воля и моральные сантименты»¹⁰. Однако Сен не просто отрицает этот алгоритм как совершенно нереалистичный и наносящий вред экономической науке, но и доказывает, что приписывать его авторство Адаму Смиту нельзя¹¹. Сен при этом уделяет много внимания вопросу о расхождении этих позиций с положениями «Теории нравственных чувств», еще одной крупной работы Смита, посвященной проблемам моральной философии. В этом произведении можно найти массу размышлений иного толка. Так, например, Смит говорит, что «человек должен рассматривать себя не как нечто отдельное и отделенное, но как гражданин мира, член обширного природного сообщества», и «ради интересов этого большого сообщества он должен быть всегда готов принести в жертву свои собственные мелкие интересы»¹².

Однако мы обратимся вновь к главному экономическому произведению Смита для углубленного выяснения его взглядов на человеческие мотивации в хозяйственной деятельности. На наш взгляд, следует признать то, что эгоистические интересы и расчетливость индивидов в теоретической схеме «Богатства народов» выступают как важнейшие предпосылки выявления и анализа экономических закономерностей. Однако свои ос-

новые усилия Смит нацеливает на то, чтобы показать и доказать то, что эгоизм мотивов и альтруизм результатов *при определенных условиях* могут оказаться в единой связке: «Каждый отдельный человек... преследует лишь собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения... Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это»¹³.

И, пожалуй, наиболее значимыми частями работы Смита с точки зрения воздействия на более поздние экономические теории следует признать те сюжеты, в которых показывается действие «невидимой руки» рынка. Не управляемая единым замыслом и чьей-то мудрой волей рыночная экономика способна обеспечить рост богатства отдельным индивидам-эгоистам, а совокупность растущих индивидуальных благосостояний приводит и к росту «богатства народа». Каким образом это происходит? Достоинства описываемой экономической системы Смит видит в том, что она способна наиболее выгодно для общества распределить ресурсы и вознаграждения за их использование. «Если бы в данной местности нашлось такое применение для труда и капитала, которое было бы очевидным образом более выгодно или менее выгодно, чем остальные применения, то к нему стремились бы в первом случае и его покинули бы во втором случае столько людей и капитала, что в скором времени его выгоды снова оказались бы на одном уровне с другими применениями. Так, по крайней мере, должно было бы случиться в обществе, в котором дела были бы предоставлены естественному течению, в котором существовала бы полная свобода... Собственный интерес каждого человека заставит его искать выгодного и избегать невыгодного занятия»¹⁴.

Основные достоинства рыночной системы, по мнению Смита, состоят не только в том, что она направляет индивидов в наиболее выгодные обществу отрасли хозяйства, но и в том, что она устанавливает, пусть и с грубой справедливостью, но естественные цены: «Естественная цена, или цена свободной

конкуренции... представляет собой самую низкую цену, на которую можно согласиться... Так будет, по крайней мере, в случае существования полной свободы»¹⁵.

Правда, историки экономической мысли, признавая вклад Смита в теорию оптимального распределения производственных ресурсов, оценивают его как достаточно скромный, хотя и очень важный. Так М. Блауг заявляет, что «Смит снял с себя бремя доказательств... не дал полного и удовлетворительного объяснения своему постулату». Однако Блауг подчеркивает и очень важную мысль о том, что Смит «часто обращается к особенностям социальных условий, которыми определяются и направляются материальные интересы» и хорошо понимает, что «рыночный механизм установит гармонию только тогда, когда он включен в соответствующие правовые и институциональные рамки»¹⁶.

Принято считать, что к таковым условиям превращения эгоистических интересов в общественную пользу Смит относил индивидуальную свободу, неприкосновенное право частной собственности и скромное разумное государство, ограничивающееся ролью «ночного сторожа» собственности своих граждан. В этом нет ничего удивительного, если обратить внимание на исторические особенности той эпохи, в которую Смит создавал свои произведения. Многочисленные острые стрелы, адресованные расточительным правительствам, можно объяснить не только противостоянием своим идейным противникам — меркантилистам. Противостояние это наиболее выраженным оказалось именно по вопросу о роли государства. Эпоха позднего средневековья, разложения феодализма и зарождения капитализма, характеризовавшаяся абсолютистской властью, которая, по мнению меркантилистов, должна всесторонне и принудительно регламентировать хозяйственную деятельность своих подданных, уходила в прошлое. Разумеется, абсолютизм объективно сыграл положительную роль в процессах первоначального накопления капитала, формирования и расширения рынков, однако в XVII–XVIII вв. данная форма власти все более отчетливо превращалась в сдерживающий фактор экономического развития. Чаще всего это проявля-

лось в совершенно явных формах: «расточительность, с какой обычно ведутся дела государей, делает успех почти невозможным»¹⁷. Поэтому неудивительно, что Смит больше доверяет не мудрости властителей и чиновников, а разумности и бережливости свободных индивидов, руководствующихся своим эгоизмом. Самой мудрой политикой государей, Смит считал все то, что способствует максимально возможному снятию ограничений на свободу хозяйственной деятельности, что должно усиливать конкуренцию между товаропроизводителями и обеспечивать повышение благосостояния общества.

Однако профессор моральной философии Адам Смит не мог в принципе абсолютизировать эгоизм как естественное свойство человеческой природы. Он был еще очень далек от того, чтобы воспринять расчетливость индивидов в качестве достаточного и необходимого условия достижения оптимальных результатов, как это сделали позднее неоклассики, считающие себя последователями Смита в этом вопросе. Во-первых, автор «Богатства народов» не сводит индивидуальные мотивации к единственной цели максимизации денежных доходов, как это стало впоследствии фактически догматом в неоклассической теории. Он уделяет внимание большому количеству разнообразных факторов¹⁸. Во-вторых, человеческие способности к точному расчету, по мнению Смита, совершенно далеки от тех, которые могли бы позволить добиться оптимальных результатов¹⁹. В-третьих, признавая естественность эгоизма, он ни в коем случае не забывал того, что это качество часто напрямую противостоит интересам общества.

Остановимся на последнем тезисе подробнее. Прежде всего, отметим, что Смит придает большое значение неоднородности социальной структуры. В главе, посвященной разделению труда, он говорит о том, что различия между людьми создаются «не столько природой, сколько привычкой, практикой и воспитанием»²⁰. Во-вторых, Смит классифицирует общественные классы по признаку обладания тем или иными факторами производства: «Всякий человек, который получает свой доход из источника, принадлежащего лично ему, должен получать его либо от своего труда, либо от своего капитала, либо от сво-

ей земли»²¹. Здесь мы вновь видим непосредственный выход Смита на проблему собственности.

Распределение создаваемого обществом продукта Смит прослеживает на основании именно этого факта — обладания теми или иными производственными ресурсами. Каждый из классов, выделяемый по данному признаку, выполняет определенную функциональную задачу. Вспомним еще раз одно из двух условий роста благосостояния народа, сформулированное Смитом во Введении: «соотношение между числом людей, занятых полезным трудом, и числом лиц, не занимающихся им». Вспомним и то, что первоначальным источником богатства и собственности он считал труд. В описываемой Смитом экономической системе трудом занят только класс работников, представляющий большинство населения. Он подчеркивает, что полный продукт своего труда рабочий получает только в «первобытном состоянии общества». Однако «с момента присвоения земли в частную собственность и накопления капитала» «большинство работников нуждаются в хозяине». Из продукта труда, осуществляемого работниками, делаются вычеты в пользу владельцев капитала и земли, которые, с одной стороны, чаще всего не заняты в процессе труда, а, с другой стороны, не имели бы никакого интереса предоставлять свои ресурсы в производство²².

В чем тогда видит Смит функциональную роль «праздных классов»? С его точки зрения, владельцы материальных факторов производства, руководствуясь эгоистическими интересами, стараются задействовать как можно больше труда и произвести как можно больше нужной обществу продукции. Кроме того, Смит подчеркивает, что «возрастающее разделение труда возможно только по мере возрастающего накопления запаса», т.е. капитала²³. А разделение труда, как мы помним, он относил к важнейшим факторам роста благосостояния народов. Отмечает автор и то, что именно этот класс людей «берет на себя риск и заботы по употреблению капитала в дело»²⁴, именно эти люди, по его мнению, должны обладать сообразительностью, достаточно обширными знаниями и разнообразными умениями. Особо много места уделяет Смит такому качеству предпринимателей как бережливость.

Вместе с тем, признавая эти, безусловно, полезные обществу качества предприимчивых людей, Смит не меньше внимания уделяет тем результатам преследования частных интересов, которые для общества вредны. Не случайно Блауг по этому поводу говорит, что в критических замечаниях Смита «хватило бы пороху для нескольких зажигательных социалистических речей»²⁵. Действительно, несмотря на упомянутую нами явную антипатию Смита к государству, он заявляет: «Капризное тщеславие королей и министров не было в течение настоящего и минувшего столетий более роковым для спокойствия Европы, чем высокомерное соревнование купцов и промышленников». Здесь же он говорит, что из-за их «низменной жадности», которую «нельзя совсем вылечить», они «не должны являться владыками человечества», поскольку «хитрые, своекорыстные доводы купцов и промышленников... затуманили здравый смысл человечества. Их интерес в этом отношении прямо противоположен интересу главной массы народа»²⁶. Эгоизм, признанный Смитом естественным и полезным для общества, применительно к купцам и промышленникам часто характеризуется как низменный. С одной стороны, Смит доказывает, что, благодаря рынку, эгоизм устремлений превращается в альтруизм результатов, с другой стороны, он признает, что нередко «частный интерес одной части, и притом незначительной части общества» отнюдь не «тождественен с общим интересом целого»²⁷.

А «главная масса народа», как признает Смит, это рабочие. Рассуждениям о положении данного общественного слоя автор «Богатства народов» отводит много места. Он обращает внимание на такие характеристики принадлежащих к этому классу людей, как «неприличные буйства и насилия», подверженность «соблазнам плохого общества», на неспособность рабочих уразуметь интересы общества и понять их связь со своими собственными и т.д. Однако в целом позицию Смита по отношению к этому классу можно охарактеризовать как определенно сочувственную, и симпатий к этим людям в его взглядах значительно больше, чем к предпринимателям и землевладельцам: «Прислуга, рабочие и поденщики всякого рода

составляют преобладающую часть всякого крупного государства. А то, что ведет к улучшению условий существования большинства, никоим образом не может быть признано вредным для целого. Ни одно общество, без сомнения, не может процветать и быть счастливым, если значительнейшая часть его членов бедна и несчастна. Да кроме того, простая справедливость требует, чтобы люди, которые кормят, одевают и строят жилища для всего народа, получали такую долю продуктов своего собственного труда, чтобы сами могли иметь сносную пищу, одежду и жилище»²⁸.

В дальнейшем, как известно, вопросы справедливости экономисты постарались вынести за рамки экономической науки, отделить от проблемы эффективности, во-первых, потому что эти проблемы в значительной мере противоречат друг другу, во-вторых, относятся к разным сферам человеческого бытия. У Смита отношение к этому вопросу иное. Наверное, еще раз можно вспомнить, что он был профессором моральной философии, и заявить, что это «родовое пятно» не могло не оказаться привнесенным в его размышления на экономические темы. Однако, на наш взгляд, его соображения о справедливости являются имманентными теоретической картине «Богатства народов». Так, размышления о повышении заработной платы рабочих он обосновывает не только представлениями о справедливости, но и с экономических позиций: «Щедрое вознаграждение за труд, поощряя размножение простого народа, вместе с тем увеличивает его трудолюбие. Заработная плата за труд поощряет трудолюбие, которое, как и всякое иное человеческое свойство, развивается в соответствии с получаемым им поощрением. Обильная пища увеличивает физические силы работника, а приятная надежда улучшить свое положение и кончить свои дни в довольстве и изобилии побуждает его к максимальному напряжению своих сил. Поэтому при наличии высокой заработной платы мы всегда найдем рабочих более деятельными, прилежными и смысленными, чем при низкой заработной плате»²⁹.

Однако давайте зададимся вопросом: почему Смит столько внимания уделяет вопросу о пользе для общества от высокой

заработной платы работников? Разве законы рынка не решают естественным образом вопрос об отношениях между собственниками различных ресурсов? Оказывается, нет. И вновь дает о себе знать «низменный эгоизм» хозяев производства: «Размер обычной заработной платы зависит повсюду от договора между» рабочими и обладателями капитала, «интересы которых отнюдь не тождественны... Нетрудно, однако, предвидеть, какая из этих двух сторон должна при обычных условиях иметь преимущество в этом споре и вынудить другую подчиниться своим условиям».

Смит показывает далее, что предприниматели в силу того, что они менее многочисленны, имеют возможность вступить между собой в монопольный сговор об удержании заработной платы на низком уровне. И такие соглашения опять же «представляют собой обычное и, можно сказать, естественное состояние вещей, о котором никогда не говорят» (курсив наш. — В. П.). Что касается возможностей рабочих в отстаивании своих эгоистических интересов, то они, по мнению Смита, не значительны. Во-первых, многочисленность этого класса физически затрудняет возможность «сговориться между собой», во-вторых, законы того времени напрямую запрещали рабочим входить в соглашения по вопросам оплаты труда³⁰.

Видит ли Смит выход из этого противоречия? Да, и в основном он возлагает надежды на то самое государство, минимизация роли которого является одной из основных идей «Богатства народов». Смит говорит о необходимости специальных законов, при этом он дает на удивление строгие оценки: «Когда предписания закона оказываются в пользу рабочих, они всегда справедливы, но они не всегда справедливы в тех случаях, когда высказываются в пользу хозяев»³¹.

На вопросе о роли государства в концепции Смита есть смысл остановиться подробнее. Сделать это необходимо и в связи с тем, что здесь есть прямые выходы на вопрос о собственности. Прежде всего, подчеркнем, что само возникновение государства Смит связывает именно с фактом появления собственности, причем крупной: «Возникновение ценной и боль-

шой собственности необходимо требует учреждения гражданского правительства»³². Здесь речь идет о важнейшей функции государства по защите каждого члена общества от несправедливости и притеснения со стороны других людей. К таковым притеснениям он относит, прежде всего, нанесение вреда собственности. Если люди находятся в незащищенном состоянии, то они довольствуются только самым необходимым, поскольку, приобретая больше того, что необходимо для существования, они лишь искушают своих угнетателей. «В стране, где жителям обеспечено пользование плодами их труда, они, естественно, затрачивают его для улучшения своего положения и для приобретения не только необходимых средств существования, но и различных удобств и предметов роскоши»³³.

Говоря об охранительной функции государства, Смит добавляет, что «гражданское правительство предполагает некоторое подчинение», причем одной из причин, вызывающих подчинение, он называет имущественное неравенство. В этом тезисе заключена важная мысль: как не воспевай свободу, ожидать ее полного осуществления «так же нелепо, как ожидать осуществления... «Утопии»³⁴. Другими словами, режим частнособственнических отношений предполагает наложение ограничений на действия людей. Причем, ограничения эти могут исходить от тех, у кого есть «преимущество состояния».

Итак, мы видим, что теоретическая схема «Богатства народов» строится на модели «человека экономического». Свободный индивид самостоятельно принимает решения, руководствуясь своими личными интересами. Адекватной и естественной институциональной формой для реализации этих интересов является право частной собственности. Благодаря естественным законам рынка стремление к наращиванию личного благосостояния способствует росту «богатства народа». В то же время в концепции Смита не упускаются из поля зрения и вредные для общества последствия эгоистических действий³⁵. Негативные для общества результаты порождаются действиями тех субъектов, которые сосредотачивают в своей собственности материальные производственные ресурсы, прежде всего, это капиталисты-предприниматели.

Данное противоречие между утверждениями о позитивном потенциале эгоизма и признанием возможности его отрицательных для общества результатов интерпретируется по-разному. Так В. Автономов утверждает, что Смит, делая даже самые худшие предположения относительно человеческой природы, все равно признает, что рыночная экономика дает лучший результат, чем принудительная регламентация экономической деятельности³⁶. Однако, на наш взгляд, можно переформулировать связь между этими обстоятельствами и противоположным образом: Смит, признавая положительный потенциал эгоистических мотивов и рыночной экономики в целом, призывает не забывать о негативных, а порой и разрушительных последствиях предоставления полной свободы эгоистическим устремлениям отдельных членов общества. Он фактически призывает общество к созданию четко определенных институциональных условий, с одной стороны, позволяющих максимизировать свободу и самостоятельность для возможно большого количества людей, с другой стороны, минимизировать возможности ограничения этой свободы со стороны тех, кто получает их главным образом благодаря своим имущественным предпочтениям.

Примечания

¹ Бетелл Т. Собственность и процветание. М., 2008. С. 136.

² Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001. С. 18.

³ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 17.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 27–28.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ Там же. С. 104.

⁸ Там же. С. 286.

⁹ Там же. С. 253.

¹⁰ Сен А. Об этике и экономике. М., 1996. С. 16.

¹¹ Такой же точки зрения придерживается, например, Мейсон Гэффни. Он говорит, что доброе имя Смита и социальный консерватизм стали синонимами после смерти автора «Богатства народов», ког-

да он уже не мог этого ни отрицать, ни защищаться от неправильной трактовки своих взглядов (Гэффни М., Харрисон Ф., Титова Г. За кулисами становления экономических теорий. СПб., 2000. С. 57).

¹² Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 140.

¹³ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 332.

¹⁴ Там же. С. 88.

¹⁵ Там же. С. 61.

¹⁶ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 54–56. Смит на самом деле достаточно часто подчеркивает значимость институциональных условий, в частности «законов и учреждений» для благосостояния общества. См., например: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 85.

¹⁷ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 583.

¹⁸ Там же. С. 88–93.

¹⁹ «Преувеличенное мнение большей части людей о своих способностях представляет собой давнее зло... Каждый более или менее переоценивает шансы удачи, а шансы неудачи большинством людей недооцениваются» (С. 93–94).

²⁰ Там же. С. 28.

²¹ Там же. С. 53.

²² Там же. С. 63–64.

²³ Там же. С. 203.

²⁴ Там же. С. 53.

²⁵ Блауг М. Указ. соч. С. 51.

²⁶ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 360.

²⁷ Там же. С. 108.

²⁸ Там же. С. 73.

²⁹ Там же. С. 75.

³⁰ Там же. С. 64–65.

³¹ Там же. С. 118. Отметим здесь же, что в рассуждениях Смита на этот счет присутствуют и пессимистические ноты, поскольку он отдаст отчет в ограниченности законодательных мер: «Хотя закон не может препятствовать представителям какой-либо отрасли торговли или ремесла собираться по временам вместе, он, во всяком случае, не должен ничего делать для облегчения таких собраний и еще меньше для того, чтобы делать их необходимыми» (С. 109). Кроме того, Смит подвергает сомнению и нравы государей: «Все для самих себя, и ничего для других, — таково во все времена было, по-видимому, неизменное правило властителей рода человеческого» (С. 303).

³² Там же. С. 512–513. Не случайно Блауг говорит, что у Смита излагается марксистская теория государства (Блауг М. Указ. соч. С. 52).

³³ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 296.

³⁴ Там же. С. 343.

³⁵ «Практически все основные работы классиков политической экономии насыщены элементами моральной философии. Реализация утилитаристского принципа связывается ими не с освобождением животных начал человека, напротив, она рассчитывает на довольно развитого в умственном и нравственном отношениях индивида, предполагает поддержание благородства характеров. Иными словами, «обыкновенный средний» обыватель еще должен был дорасти до настоящего «экономического человека» (Радаев В.В. Экономическая социология: курс лекций. М., 2000. С. 18).

³⁶ Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб., 1998. С. 65.